

По поводу открытаго письма ко мнѣ отъ г. Аржиловскаго.

Раздраженіе такъ и просвѣчивается сквозь преувеличенно вѣжливое обращеніе ко мнѣ со строкъ этого открытаго письма ¹⁾ Весь нервный, неровный тонъ его говоритъ за то, что авторъ сердится... и этимъ на мой взглядъ, еще разъ подтверждаетъ удивительную мѣткость одной очень старой фразы: «Зевсъ, ты гнѣваешься, значитъ ты не правъ.»

Въ статьяхъ Аржиловскаго и другихъ псаломщиковъ, напечатанныхъ въ нашихъ «Епар. Вѣдом.», просвѣчиваетъ одна и та же мысль—это съ-тозаніе и зависимость псаломщика отъ священника. Мысль эту можно назвать выраженіемъ общаго настроенія нашихъ псаломщиковъ (молодежи). Среди нихъ было, да и теперь замѣтно, сильное броженіе въ пользу совершеннаго освобожденія псаломщика отъ власти священника.

«Пусть священникъ будетъ хозяиномъ въ алтарѣ, а псаломщикъ долженъ быть хозяиномъ на клиросѣ»,—горячо высказываются молодые ораторы.

Я хорошо вижу, что въ отношенія псаломщика и священника вошло очень много нежелательнаго. Многое должно быть изгнано, исправлено, уурядочено, но вижу и то, что виноваты тутъ не одни священники и мысль о совершенномъ освобожденіи псаломщика отъ власти священника—до крайности преувеличена.

Мнѣ кажется страннымъ доказывать, что во всякомъ дѣлѣ безусловно необходимъ одинъ «хозяинъ»—начальникъ, т. е. человекъ, которому остальные участники дѣла должны подчиняться или за «совѣсть», чего дай Боже, или «за страхъ», отъ чего избави Боже.

Возьмите, какъ примѣръ, самую свободную и простую по своей организациі артель вятскихъ плотниковъ, которыхъ такъ много странствуетъ по нашей Сибири. Всѣ члены этой артели, можно сказать идеально равны между собою. Никакихъ социальныхъ, іерархическихъ, сословныхъ и т. и. дѣленій между ними нѣтъ совершенно. Тѣмъ не менѣе во всякой такой артели есть начальникъ, который носитъ почетное названіе старосты или мастера. Посидите, хотя, часъ около такой работающей артели и вы увидите, что этотъ начальникъ говоритъ одному: «иди»—и идетъ, другому «приди»:—и приходитъ. Его голосъ, почти всегда, имѣетъ рѣшающее значеніе при разногласіяхъ, происходящихъ въ артели. Такъ выработала сама жизнь, сама непосредственная практика въ свободно сошедшейся артели, гдѣ, кромѣ свободнаго поступленія, есть еще свободный выходъ.

¹⁾ Тоб. Епарх. Вѣд. № 9-й.

Гдѣ каждый вступающій или входящій членъ руководится только своими личными побужденіями, расчетами, симпатіями,...

Какъ же представить себѣ безъ начальника наше причтовое дѣло, гдѣ часто сходятся люди «и съ Камы и съ Волги», не имѣя одинъ о другомъ ни малѣйшаго понятія. Гдѣ нерѣдко противъ воли, соединяются прямо несомѣстимые по характеру люди, обладающіе совершенно различными взглядами, убѣжденіями относительно даннаго дѣла.

Скажите, развѣ при такихъ условіяхъ была-бы невѣроятной слѣдующая сценка: одинъ хозяинъ въ алтарѣ началъ молебенъ, а другой хозяинъ на клиросѣ въ тоже время заблагоразсудилъ запѣть панихиду и т. д. Кстати, разсудите, кто у нихъ правъ, кто виноватъ! Вѣдь оба равноправны, оба другъ другу подчиненіемъ и послушаніемъ не обязаны. Что получилось бы изъ нашего причтоваго дѣла, если бы одинъ изъ дѣятелей рвался въ облака, другой пятился назадъ, а третій тянулъ въ воду?.. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что это было бы хуже, чѣмъ при самомъ неудачномъ выборѣ начальника.

Теперь вопросъ: кому быть начальникомъ въ причтѣ? Кажется не ошибусь, если скажу, что всѣ права въ каноническомъ, іерархическомъ смыслѣ и въ процентномъ отношеніи по образованію, опытности, возрасту на сторонѣ священства.

Думается мнѣ, что не только сами псаломщики, но даже и сами вдохновители отмѣченнаго мною броженія, въ душѣ признаютъ необходимость начальника въ причтѣ и то, что всѣ права на это положеніе у священника, а потому они, чтобы затмить это сознаніе какъ у себя, такъ и у другихъ, въ своихъ статьяхъ и разговорахъ засыпаютъ священника укорами, упреками, отрицательными фактами, доказательствами его недостойнства, непригодности... Тѣмъ болѣе, что говорить о священническомъ недостойнствѣ, особенно съ чужого голоса, такъ же легко, какъ легко стрѣлку цѣлить черезъ три шага въ ворота. Промахъ, почти, невозможенъ. Невозможно, чтобы хотя одинъ изъ священниковъ, возражая псаломщикамъ, могъ сказать, что я достоинъ моего священства, я исполнилъ все, что долженъ былъ сдѣлать, какъ пастырь—священникъ. Вѣдь служеніе священника то самое, которому и безплотные, безгрѣшные ангелы съ трепетомъ предстоятъ. Такіе священники, какъ Амвросій Мефасанскій, Іоаннъ Златоустъ и тѣ плакали (да и не напрасно) о своемъ недостойнствѣ. Какъ же значить возражать на ваши обличенія намъ грѣшными, часто порочными и глубоко павшимъ?..

Глубоко правы вы, господа обличители, мы грѣшны, немочны, порочны,.. но что это доказываетъ? Посмотрите на это тѣми глазами, ка-

кими смотреть на это наша Святая Православная Церковь и вы ясно увидите, что Богъ Творецъ и Промыслитель, безъ воли Котораго не упадетъ и волосъ съ головы человѣка, призвалъ насъ къ своему страшному служенію, далъ намъ пастырскую власть—пусть будетъ Его Святая Воля. Не намъ съ вами, г.г., судить о томъ, почему тутъ указано служить мнѣ (худому), а не сему или иному (лучшимъ).¹⁾

Какъ видите, г.г., промахъ возможенъ и черезъ три шага въ ворота, но для васъ, псаломщики, промахъ возможенъ и по другой причинѣ. Я родился, выросъ и живу среди духовенства, а потому и могу сказать, что видалъ его во многихъ позахъ и знаю, что большей половиной тѣхъ нареканій, какукъ несетъ современный священникъ, онъ обязанъ псаломщикамъ и послушникамъ. Свѣтскій человѣкъ мало понимаетъ въ покроѣ рукавовъ у нашей одежды. Полы до полу, длинные волосы для него несомѣнные признаки «попа». Безобразить человѣкъ въ длинной одеждѣ и съ длинными волосами—это «несомѣнно» попь... И попь несетъ это нареканіе, но, роль обличителей этого попа псаломщикамъ или послушникамъ, право, не по плечу.

Вотъ почему прочитавши всѣ обличительныя статьи псаломщиковъ, послушавши такихъ же рѣчей, я, по первому впечатлѣнію, хотѣлъ бросить псаломщикамъ ту же фразу, которую бросаетъ мнѣ Аржилевскій, это «посмотрите на себя». Но нѣсколько подумавши, я увидѣлъ, что фраза эта во-первыхъ груба, во-вторыхъ слишкомъ голословна, чтобы хотя что-нибудь доказывать. А потому я и попытался изобразить псаломщика, на первый разъ, съ одной стороны его дѣятельности—пѣвческой. Изображеніе вышло непривлекательнымъ, но это не моя вина. Я писалъ только то, что видѣлъ, переживалъ, чувствовалъ... Но прежде чѣмъ писать я внимательно посмотрѣлъ на себя, т. е. на священниковъ и увидѣлъ, что грѣховъ вольныхъ и невольныхъ за нами много и обличающіе псаломщики во многомъ правы, но въ то же время съ очевидностью Божіа дня видѣлъ, что священники въ 95 изъ 100 случаевъ образованнѣе, развитѣе, опытѣе своихъ псаломщиковъ. Это я писалъ и повторяю.

Мы слишкомъ привыкли къ преувеличеніямъ, а потому я и боюсь, что сказанное мною выше истолкуется, какъ желаніе закрѣпить псаломщика и дать просторъ поповскому произволу. Далекое—нѣтъ, я желаю только, чтобы все, что дѣлается въ церкви, дѣлалось бы съ вѣдома съ

¹⁾ Если хотите объ этомъ подробно и популярно, то смотрите книгу іеромонаха Михаила «Предъ стѣной—предъ тайной», а въ ней этюдъ—«Священство».

благословенія священника, чтобъ его голосъ имѣлъ, (хотя на время, до суда) рѣшающее значеніе въ недоразумѣніяхъ, происходящихъ въ причтѣ. Но власть священника, обязанности псаломщика и права того и другого должны быть строго и ясно указаны. Никакой произволь какъ съ той, такъ и съ другой стороны допустимъ быть не можетъ.

Буду отвѣчать на самое открытое письмо ко мнѣ. Противъ основныхъ положеній моей статьи о пѣніи псаломщиковъ Аржилловскій не сноситъ, а даже пишетъ: «нужно поступить именно такъ, какъ совѣтуете вы», но ему хочется доказать, что во многомъ томъ, о чемъ я писалъ въ моей статьѣ виноваты не псаломщики, а сами священники. Такъ онъ признаетъ, что случается, псаломщики смѣшатъ богомольцевъ, берясь за исполненіе вѣдальныхъ партесныхъ пѣснопѣній, но «батюшки сами подбиваютъ псаломщиковъ свѣтъ что нибудь партесное». Далѣе самъ же доказываетъ мнѣ, что между партесными пѣснопѣніями есть много такихъ, которые гораздо проще—легче «простыхъ». Такъ что же будетъ неправильнаго или смѣшнаго, если священникъ посоветуетъ псаломщику свѣтъ, что нибудь изъ этихъ легкихъ вещей, особенно если священникъ знаетъ, что данный псаломщикъ и его хорикъ съ этими пѣснопѣніями справятся и публику не насмѣшатъ. Если же священникъ будетъ подбивать «Ивана Семеновича» свѣтъ херувимскую на четыре голоса одному, то правда, это будетъ что-то такое, чему и названіе подобрать я затрудняюсь. Вѣдь это значитъ сознательно безобразить службу Божию и Св. Храмъ дѣлать ареной клоуновскихъ подвиговъ.. Это что то невѣроятное и такихъ священниковъ я не встрѣчалъ.

Относительно же того, что будто бы я требую отъ сельскихъ пѣвцовъ артистическаго исполненія, я скажу только то, что это неправда. Мой совѣтъ далѣе просьбы браться за посильныя вещи и не профанировать вещей, требующихъ артистическаго исполненія, не шелъ и теперь не идетъ. Аржилловскій правъ, отиѣчая, что я стою за простое пѣніе, но я отнюдь не отрицаю партеснаго, а только ставлю ему одно непремѣнное условіе—«посильность». Но, какъ я уже писалъ, не будь у меня того физическаго недостатка, какимъ я надѣленъ теперь, я работалъ бы надъ простымъ пѣніемъ и именно потому, что «въ хорошемъ исполненіи и оно нуждается. Къ тому же то, что называется простымъ, на самомъ дѣлѣ не такъ просто». (Слова Аржилловскаго). Слѣдовательно относиться къ нему съ такимъ пренебреженіемъ, такъ «спустя рукава», какъ относятся къ нему многіе изъ теперешнихъ псаломщиковъ, особенно изъ юнцовъ, стремящихся къ партесному,—великій грѣхъ. Тутъ, какъ соглашается Аржилловскій, есть надъ чѣмъ поработать и есть отъ чего ждать хорошихъ

результатовъ. Но я рѣшительно не согласенъ съ Аржиповскимъ, когда онъ пишетъ о простой Херувимской, «что пѣть ее болѣе рискованно, чѣмъ другую обиходную». Мнѣ кажется, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть риска, такъ какъ она съ дѣтства всѣмъ извѣстна. Этотъ напѣвъ съ самаго ранняго дѣтства глубоко запалъ въ наши души, можно сказать сроднился съ нами, а потому мы его понимаемъ и чувствуемъ. Выражаясь образно: почва обработана, сѣмена разбросаны, есть густые всходы, а вамъ, г.г. регенты, остается только пай гдѣ пополоть, полить, подправить и въ результатъ, вѣрнѣе чѣмъ во всякомъ другомъ однородномъ случаѣ, будетъ богатый урожай.

Я увѣренъ, что и самъ мой оппонентъ испытывалъ дѣйствіе этой херувимской на душу, когда она исполняется даже при отсутствіи всѣхъ благопріятныхъ вокальныхъ и общемузыкальныхъ условій, а только тогда, когда она исполняется искренне, отъ души.

Помню лѣтъ семи—восьми отъ реду я былъ въ нашемъ приходскомъ храмѣ. Изъ клироса стоитъ дьячокъ, маленькаго роста, сгорбившійся, не сѣдой, а почти желтый, поетъ онъ дрожащимъ, разбитымъ старческимъ теноромъ, да къ тому же очень сильно пригнушивается. Поетъ онъ вотъ именно эту херувимскую. Поетъ и слеза за слезой медленно катятся по морщинистымъ щекамъ на желтѣющую бороду и падаютъ на холодный церковный полъ. Трясущаяся рука какъ то судорожно крѣпко ложится на лысый лобъ, впаую грудь, согбенныя плечи. Потухающій взоръ горитъ радостно—восторженнымъ свѣтомъ... И вся церковь жарко молится вслѣдъ за гнусавымъ пѣвцомъ. Вотъ съ тѣхъ поръ этотъ напѣвъ крѣпко зачалъ въ мою душу и его оттуда не вытравить никакими партесными.

Теперь скажите, положа руку на сердце, рѣдко ли вамъ приходится видѣть псаломщиковъ вся фигура которыхъ такъ и говоритъ за то, что они здѣсь (въ церкви) такъ себѣ, по недоразумѣнію—они выше всѣхъ э ихъ «глупостей»... Грѣшный человекъ, ходишь иной разъ во время той же херувимской и внимательно посмотришь туда, гдѣ стоитъ мой пастырскій помощникъ. Господи, Боже Мой, какъ онъ изогнулся, небрежно полудежа на книжной конторкѣ, какъ ему помогаетъ такъ переплести ноги, —право, любой юнкеръ позавидуетъ... И онъ не «поетъ», а «раздѣлываетъ» херувимскую, полудежа, задомъ ко святому иконостасу. Скажите, развѣ, это васъ не возмущаетъ, не оскорбляетъ вашего религіознаго чувства?

Судя по статьямъ псаломщиковъ, они ищутъ активнаго участія въ пастырской дѣятельности, они хотятъ приносить св. церкви свою долю пользы. Сдѣлать это, на мой взглядъ, не очень трудно: Бросьте, г.г., на

первый разъ, вотъ это ломанье на клиросѣ, прекратите тотъ шумъ, разговоры, смѣхъ, которые теперь царятъ на клиросахъ, исполняйте церковный уставъ о крестномъ знаменіи, поклонахъ, изгоните изъ обычая «освященный традиціей» выходъ псаломщиковъ изъ церкви во время шесто-псалмія покурить и т. д. и вы принесете большую пользу.

Сейчасъ подхожу къ самому патетическому, къ самому великолѣпно-му мѣсту разбираемаго открытаго письма. «Много ли изъ васъ людей, думающихъ о своемъ призваніи? Много ли изъ васъ полезныхъ, честныхъ и, главное, безкорыстныхъ работниковъ?»—воскликаетъ г. Аржиловскій.

Что ни слово—то и перлъ. И вы, г. Аржиловскій, оскорбляетесь, когда говорятъ о вашей молодости?! Ну скажите, г. г., у кого кромѣ зеленой, безмѣрно увлекающейся молодости хватить дерзости (выраженіе берется, какъ превосходная степень отъ слова храбрость) бросить въ лицо цѣлой, громадной сравнительно (около 500 ч.), корпораціи обвиненіе чуть ли не въ поголовномъ идиотизмѣ, безполезности, а быть можетъ и вредности, нечестности—подлости, корыстолюбіи—жадности.

Буду отвѣчать постепенно: Неужели вы, г. Ар., серьезно убѣждены, что между нами—священниками много людей, даже, и не думающихъ о своемъ назначеніи. Чтобы не думать о своемъ назначеніи, о своемъ дѣлѣ, нужно быть полнымъ идиотомъ, иначе я не представляю. На свѣтѣ все возможно, быть можетъ, и между нами найдется такой автоматъ, который не думаетъ о своемъ призваніи, но это будетъ единичнымъ исключеніемъ. Чтобы быть священникомъ необходимо пройти извѣстную школу образовательную или служебную, а идиоту это рѣдко возможно. Я знаю, вы приведете мнѣ массу отрицательныхъ явленій изъ жизни священниковъ и спросите, почему такъ дѣлаетъ тотъ или другой, если онъ думаетъ о своемъ призваніи. Иное, г. г., дѣло думать, иное дѣлать—не думать не возможно (иначе надо отрицать наличность ума и совѣсти), дѣлать же всегда очень трудно, а, иной разъ, непосильно и невозможно. Возьму самый излюбленный свѣтской литературой, да и вами, г. г. псаломщики, священническій порокъ—это пьянство. (Хотя если взять на вѣсь пьяницъ поповъ и пьяницъ дьячковъ, то право не знаю, кто перетянетъ). Возьмите для примѣра чудный на данную тему типъ о. Аѳнасія (письмо А. П. Чехова т. VI). Грѣховъ за о. Аѳнасіемъ «числилось много. Онъ велъ негрязную жизнь, не ладилъ съ причтомъ и съ міромъ, небрежно велъ метрическія записи и отчетность—въ этомъ его обвиняли формально, но кромѣ того, еще съ давнихъ поръ носились слухи, что онъ *вмичалъ за деньги непозволенные браки и продавалъ пріязимъ чиновникамъ и офицерамъ свидетельства о говніи*». Какъ видите грѣховъ много, грѣх

тяжкіе, есть характерно поповскіе... Можно спроситъ, какъ могъ такъ опуститься человѣкъ, если бы онъ думалъ о своемъ высокомъ призваніи.. Вотъ тутъ то и бѣда, что человѣческая душа соткана изъ такихъ тончайшихъ нитей, переплетена такими противорѣчіями, что, разбираясь въ нихъ, легко запутаться и не намъ съ вами. Посмотрите, этотъ вздорный провойца, продажный попъ даетъ такой чудный христіанскій совѣтъ діакону: «наказующіе и безъ тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующихъ бы поискалъ!» И тутъ же прибавляетъ: «Я, братушка, выпью... Прямо такъ напиши: прощаю тебя, Петръ! Онъ пойметъ! Почувствуетъ! Я, братъ.. я, діаконъ, по себѣ это понимаю»... А нѣсколько ниже: «Господи, прости меня грѣшнаго! запутался я, діаконъ! Нѣтъ мнѣ спасенія! И не то, чтобъ въ жизни запутался, а въ самой старости передъ смертью... Я»... Старикъ махнулъ рукой и еще выпилъ. Ну развѣ это не жесточайшія муки совѣсти, развѣ это не думы о своемъ загубленномъ, поруганномъ назначеніи.

Вы скажите, быть можетъ: кто же велѣлъ о. Аѳанасію опускаться, зачѣмъ онъ не разсуждалъ о своемъ назначеніи ранѣе, тогда бы не было поздняго раскаянія? Неподражаемый по краткой обстоятельности Чеховъ отвѣтилъ и на этотъ вопросъ, онъ, какъ будто бы мимоходомъ, уронилъ фразу, что о. Аѳанасій — «отецъ девяти человѣкъ дѣтей, живущихъ на его шеѣ, в такихъ же неудачниковъ, какъ онъ самъ».

Вы, г. Ар., если не ошибаюсь, отцомъ не были, а потому вамъ трудно понять весь трагизмъ, весь ужасъ, который скрывается въ этой небольшой и очень простой фразѣ. Быть отцомъ девяти изломанныхъ, искалеченныхъ, несчастныхъ и въ тоже время безконечно милыхъ, дорогихъ дѣтей — это слишкомъ достаточно, чтобъ изъ человѣка сдѣлать все, что угодно... Это я знаю по опыту: въ полгода я потерялъ трехъ малютокъ и черезъ эти три могилы говорю вамъ, что я доходилъ тогда до галлюцинацій, т. е. былъ на порогѣ въ домъ умалишенныхъ. А мое несчастіе ничто въ сравненіи съ несчастіемъ о. Аѳанасія — быть отцомъ девяти живыхъ, страдающихъ могилъ... Можно ли удивляться, что онъ не вынесъ, надломился, палъ, а встать нѣтъ силы. Итакъ пороки не служатъ доказательствомъ отсутствія совѣсти, сознанія долга, а часто доказываютъ какъ разъ обратное. Слѣдовательно не думающіе о своемъ назначеніи люди едва ли существуютъ.

Дальше вы говорите: «Много ли изъ васъ полезныхъ». Какъ вы понимаете пользу? Можетъ быть такъ, какъ понималъ эту пользу я лѣтъ десять — двѣнадцать тому назадъ. Тогда я былъ, почти, увѣренъ, что къ концу и благодаря моей драгоценной жизни, рѣки медомъ потекутъ и въ

берегахъ кисельныхъ, а въ озерахъ брага забурлигъ». Тогда мнѣ прійдется согласиться съ вами, что такихъ полезныхъ между нами нѣтъ, но если вы согласитесь удовлетвориться той маленькой незамѣной пользой, на какую способенъ и слабый человекъ, то такихъ полезныхъ и между нами найдется не одинъ и не два.

Вы можете спросить, чѣмъ можетъ быть полезенъ Чеховскій о. Аѳанасій или вообще тотъ родъ священниковъ, которыхъ Чеховъ изобразилъ въ о. Аѳанасіи. Оправдывать этотъ родъ священниковъ я и не думаю, но у меня не поднимаются руки написать имъ и осужденію. Неприглядны они, а иной разъ и безобразны они—спнаружи, а были ли мы съ вами въ душѣ у нихъ, видѣли ли мы ихъ внутренній міръ? Я, лично, право бы не взялся разсудить, чѣго въ нихъ больше—добра или зла. Но несомнѣнно для меня только то, что добро, а слѣдовательно польза и отъ нихъ есть. Такъ Чеховскій о. Аѳанасій можетъ быть полезенъ своимъ *выстраданнымъ правомъ* дать такой совѣтъ, какой онъ далъ діакону. Онъ можетъ быть полезенъ своимъ *покаяніемъ*... Я слыхалъ о подѣ, который во многомъ превосходилъ о. Аѳанасія. Этотъ сидитъ въ щегольской рясы, недавно ему подаренной; тотъ нерѣдко щеголялъ въ оборваномъ армячишкѣ—кабакской смѣлкѣ. Этотъ напивается дома или въ гостяхъ, а тотъ не гнушался напиваться и въ кабакѣ. А тѣмъ не менѣе его прихожане, «простые русскіе люди», что называется «души въ немъ не чаяли» и покрывали всѣ его проступки. Онъ прослужилъ у нихъ до смерти. Почему? Надо полагать вотъ почему: Одинъ очевидецъ разсказывалъ мнѣ объ его литургіи, послѣ одного изъ такихъ «выходовъ».

Онъ не служилъ, говорилъ разсказчикъ, а рыдалъ и съ нимъ плакала его сѣрая и грѣшная паства. Въ концѣ литургіи этой пропойца появился на амвонѣ съ текстомъ: «Не унимайтесь виномъ».. Вы видѣли меня назадъ тому три дня. Господи Боже мой, во что я обращался!.. А чѣмъ я долженъ быть?! Господи и Ты терпишь меня! Молю васъ, братіе, бѣгите отъ этого зелья.. Смотрите на меня: вѣдь имъ я убилъ тѣло мое, погубилъ душу мою».

Вся проповѣдь была въ этомъ духѣ, проповѣдникъ плакалъ, какъ ребенокъ, плакали и слушатели. Грѣшная паства понимала грѣшнаго пастыря и вмѣстѣ съ нимъ стонали о покаяніи.

Умеръ этотъ пропойца—подъ отъ ножовой раны, полученной въ пьяной дракѣ. Но и тутъ дѣло было не такъ плохо. Пьяный парень, овѣвевшій подѣ влияніемъ вина и упрекавшій сторожа отца, пытавшагося вытащить его изъ кабака, бросился съ ножомъ на этого отца. Пьяный

поль, сидѣвшій тутъ же, бросился между ними и принялъ ножъ въ свою измытаренную, отравленную алкоголемъ грудь.

Какъ видите, даже такіе пропойцы могутъ быть полезны. Какъ же отрицать пользу отъ дѣятельности трезваго священника, а трезвыхъ между ними покрайней мѣрѣ $\frac{9}{10}$. Правда и то, что изъ трезвыхъ и сытыхъ вырабатываются кулаки—священники, но много ли ихъ? Право, г. Арж., мнѣ сдается, что вы, по одному очень умному выраженію, изъ за отдѣльныхъ деревьевъ проглядѣли цѣлый лѣсъ,

Вы говорите: «Много ли изъ васъ *«честныхъ»*». Значитъ по вашему выходитъ, что честныхъ между нами мало т. е. меньше половины; такъ ли я васъ понимаю? Если такъ, то по вашему опредѣленію можно заключить, что изъ 500 священниковъ—тоболяковъ—300—подлецы?! Невѣроятность такой цыфры до того очевидна, что мнѣ нѣтъ никакой нужды говорить объ ней.

„И, главное, *безкорыстныхъ работниковъ*“—говорите вы. Опять таки, какъ вы понимаете безкорыстіе? Если такъ, какъ понимаетъ Достоевскій, который въ одномъ мѣстѣ (Записки изъ Мертваго дома) проводитъ ту мысль, что христіанинъ, подающій милостыню для спасенія своей души, эгоистъ; *) то, пожалуй между нами такихъ нѣтъ—всѣ мы себѣ добра желаемъ. Да и въ литературѣ я припомню только одинъ подходящий примѣръ, это Лѣсковскій старецъ Памва (Запечатленный ангелъ), да и тотъ говоритъ о себѣ: «Ахъ нѣтъ, брате, я не смиренъ: я великій дерзостникъ, я себѣ въ небесномъ царствіи части желаю». А дальше молится: «Господи, не прогнѣвайся на меня за сію волеувертность: пошли меня въ присподнѣйшій адъ и повели демономъ меня мучить»... Но, надо думать, наше корыстолюбіе вы понимаете въ литературномъ смыслѣ, въ смыслѣ пресловутой «поповской жадности». Кому, кому, а ужъ не псаломщикамъ говорить бы объ этомъ. Буду отвѣчать. Раскройте V томъ А. П. Чехова, тамъ есть небольшая, но великая вещь, озаглавлена она «Кошмаръ».

Молодой человекъ, непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Павелъ Михайловичъ Кунинъ поить чаемъ деревенскаго священника отца Якова и видитъ: «какъ его гость взялъ изъ сахарницы одинъ вренделекъ, откусилъ отъ него кусочекъ, потомъ повертѣлъ въ рукахъ и быстро сунулъ себѣ въ карманъ».

«Ну, ужъ это совсѣмъ не по-іерейски—подумалъ Кунинъ, брезгливо пожимая плечами. Что это, *поповская жадность* или ребячество?»

*) Къ сожалѣнію, этой книги подъ руками у меня нѣтъ, цитирую по памяти—неточность возможна. Авторъ.

Нѣсколько дальше Кунинъ заключаетъ о поповѣ: «Грязенъ, перяха грубъ, глупъ, и, навѣрное пьяница». И заключилъ свои размышленія тѣмъ, что написалъ на о. Якова доносъ.

Возратившись изъ одной поѣздки, Кунинъ «узналъ отъ прислуги, что безъ него ежедневно приходилъ о. Яковъ».

«Какъ однако, ему мои крендельки понравились» подумалъ онъ. Но Кунинъ ошибся, какъ ошибаются, почти, всѣ, кто часто говоритъ о поповской жадности. Отецъ Яковъ приходилъ къ Кунину наниматься въ писаря, «чтобы, между цѣломъ, ... дивиденды свои увеличить».

Кунина это удивило.

«Гм... дивиденды... Но вѣдь я плачу писарю только двадцать рублей въ мѣсяцъ! Господи, да я и десять взялъ бы! — прошепталъ отецъ Яковъ, оглядываясь. — И десяти довольно! Вы... вы изумляетесь, всѣ изумляются. *Жадный поповъ, алчный*, куда онъ деньги дѣваетъ? Я и самъ чувствую, что жадный"... Нѣсколько ниже: «Я получаю съ прихода сто пятьдесятъ рублей (въ годъ), и всѣ... удивляются куда я деньги дѣваю»... Дѣвать деньги оказалось болѣе чѣмъ есть куда и истрадавшійся человекъ (жадный поповъ) испугленно кричитъ сытому помѣщику: «Замучилъ голодъ, Павелъ Михайловичъ»,... а въ концѣ: «Ну положимъ я снесу и голодъ, и срамъ, но у меня, Господи, еще попадья есть! Вѣдь я ее изъ хорошаго дома взялъ! Она бѣлоручка, привыкла къ чаю, и къ бѣлой булкѣ, и къ простынямъ... (Какая подумалъ роскошь: чай, бѣлый хлѣбъ, простыни). Только и утѣхи у нея, что принесу изъ гостей яблочекъ, или какой *кренделечекъ*"... Вотъ она пресловутая поповская жадность, нарисованная правдивѣйшимъ изъ русскихъ художниковъ и нарисованная, что называется «во весь ростъ». Вы скажете, что въ Тобольской епархіи этого нѣтъ. Да, слава Богу, у насъ такихъ ужасовъ нѣтъ: бѣлый хлѣбъ, чай, простыни мы роскошью не считаемъ; но, всетаки, имѣемъ только необходимое... Есть мудрая пословица: «Смерть животы окажетъ» (богатство). Мнѣ пришлось хоронить человекъ пять моихъ собратій (по вашему жадныхъ поповъ) и всякій разъ семья оставалась безъ всякихъ средствъ, а случилось и такъ, что, даже, расходы по погребенію матушки приходилась дѣлать въ долгъ подъ тѣ гроши, которые она получить изъ Сиротской кассы.

Еще разъ повторяю, г. г., не судите по отдѣльнымъ личностямъ: изъ-за нихъ вы проглядите очень много, гораздо болѣе половины, людей порядочныхъ, честныхъ, любящихъ свое дѣло и посильно жаждущихъ правды. Иначе вы рискуете попасть въ положеніи того-же Кунина.

«И я не зналъ! — простоналъ онъ, падая на софу. Я, который уже

болѣе года служу здѣсь непремѣннымъ членомъ, почетнымъ мировымъ судьей, членомъ училищнаго совѣта! Слѣвая кукла, фатъ! Скорѣй къ нимъ на помощь! Скорѣй!» Прійти же на помощь оказалось же не такъ легко: «Получу 20 числа 200 рублей.. (а жадный портъ получалъ отъ прихода 150 руб. въ годъ). Подъ благовиднымъ предлогомъ суну ему и докторшѣ».. Расчитавъ свои деньги Кунинъ, увидѣлъ, что ему, конечно, не жадному, одинокому человѣку 200 руб. въ мѣсяцъ хватаетъ только такъ, чгобы свести концы съ концами. Ниже: «Тутъ Кунинъ вспомнилъ доносъ, который написалъ онъ архіерею, и его всего скрючило, какъ отъ невзначай налетѣвшаго холода. Это воспоминаніе наполнило его чувствомъ гнетущаго стыда предъ самимъ собою и предъ невидимой правдой».

Далѣе г. Аржиловскій пишетъ: «хотѣлось бы отвѣчать на ваши намѣки, о недоучкахъ и безусыхъ псаломщикахъ». Зачѣмъ же дѣло стало, пожалуйста, отвѣчайте. Но только имѣйте въ виду, что говоря какъ о физической, такъ и умственно образовательной недоразвитости псаломщиковъ, я рѣшительно никакихъ намековъ не дѣлалъ, а просто указалъ на очевидный для всякаго фактъ Псаломщики и на самомъ дѣлѣ въ большой половинѣ случаевъ — безусые мальчики. Недоучки же они всѣ поголовно, если концомъ всякой учености считатъ ту ученость, которую сообщаютъ духовная семинарія, исключенія единичны.

Недоучками чуть ли не на $\frac{3}{4}$ псаломщики окажутся и тогда, когда концомъ всѣхъ знаній мы возьмемъ курсъ духовнаго училища.

Все это усугубляется еще тѣмъ, что псаломщики, почти ничего не читаютъ. Читающихъ псаломщиковъ, работающих надъ своимъ образованіемъ и хотя и встрѣчалъ, но очень не много. Да и что васъ тутъ сердить?! Усовѣнѣтъ — выростутъ, образованіе мало — работайте и оно выростетъ.

«Псаломщику трудно развиться безъ посторонней помощи». Неужели, Аржиловскій, вы не слышите, какъ фальшиво для васъ же самихъ звучитъ эта фраза? Трудно — это правда, но развѣ трудность образованія можетъ оправдать чье нибудь невѣжество? Чгобы идти къ свѣту необходимы не посторонняя помощь, а собственное твердое желаніе и трудоспособность. И при послѣднихъ качествахъ посторонняя помощь всегда найдется, нужно только не полѣниться и поискать ее. «Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ, кто нибудь свезетъ въ Москву».. Вы теперь въ Петербургѣ, около университетовъ, академій, консерваторій, а главное громаднѣйшихъ библиотекъ и повѣрьте, что если вы будете бояться труда и оправдывать эту боязнь (дѣнь) отсутствіемъ или недостаточностью посторонней помощи, то останетесь тѣмъ же, чѣмъ были у насъ въ деревнѣ. Или, еще хуже, приобрѣтете хвостъ и осанку индѣйскаго пѣтуха и только ..

Примѣры бывали: съѣздитъ человекъ куда нибудь «въ центръ», добудетъ тамъ, (а какъ не спрашивайте) кандидатскій значокъ или дипломъ, вернется къ намъ — темнымъ провинціаламъ «и футы — ну ты, руки въ бока — глаза въ потолокъ». Ну, точка въ точку какой нибудь китайскій мандаринъ, господинъ дрянъ — канъ — тьфу — брось... Если же васъ не будетъ пугать трудность и трудъ, то не только въ Петербургѣ, но и въ сельской глуши вы въ своемъ развитіи не остановитесь. Ни что не вырветъ изъ вашихъ рукъ книгу, если у васъ есть святая искра — жажда знанія... Я знавалъ одного учителя церковной школы грамоты, официальное образованіе, котораго не превосходило образованія многихъ изъ васъ, получалъ онъ менѣе каждаго изъ васъ, а именно 96 руб. въ годъ — всего и совсѣмъ, жилъ онъ въ такой глуши, въ какой живутъ не многіе изъ васъ, даже, до ближайшей церкви было 35 верстъ. Всю интелленцію поселка, гдѣ онъ жилъ составляли кулакъ и цѣловальникъ, общими силами сосущіе кровь изъ населенія, состоящаго изъ вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ и татаръ. Однако же, сколько разъ я ни бывалъ въ его квартирѣ, она всегда была завалена книгами и точно знаю, что солнце не рѣдко заставало его за тѣмъ столомъ, на которомъ онъ работалъ. Нужно-ли говорить о томъ, что этотъ учитель въ своемъ саморазвитіи не остановился?...

Знавалъ я и другого, — этого я встрѣтилъ на Тобольскихъ курсахъ для учителей церковно-приходскихъ школъ. Онъ былъ совсѣмъ безъ официального образованія, да и «домашнее образованіе» вдохнулъ отъ полуграмотнаго пропойцы-поселенца. Какимъ образомъ онъ попалъ учителемъ въ церковную школу грамоты, я не знаю. Вызванный на курсы въ Тобольскъ, онъ смѣшилъ насъ кустисмомъ, походкой, наивнымъ любопытствомъ... Въ это время онъ началъ готовиться къ экзамену на правоспособнаго учителя, а для него это тоже, что для меня въ университетъ, но трудность не пугала его. Съ чисто мужичьимъ усердіемъ работалъ надъ изученіемъ нужного къ этому экзамену, а особенно потѣлъ онъ надъ дробями — онъ ему не давались...

На мою бѣду я попробовалъ помочь ему и... не радъ сталъ. Распросами, просьбами онъ меня просто замучилъ. Какось, не разъ приходилось мнѣ удирать отъ него.

Однажды, удирая такимъ образомъ, я наскочилъ на одну изъ лучшихъ и болѣе образованныхъ нашихъ учительницъ, вѣкую Ивову.

— Куда вы, такъ стремительно? остановила она меня.

— Отъ Р...а спасаюсь — просто до смерти изводитъ...

— Чѣмъ это?

— Ему, видите ли, на правоспособнаго надо, а цроби не даются, такъ я то тутъ причеиъ — даже къ Ермаку не отпускаеть: покажи, разскажи, да посовѣтуй!..

— Ну не плаchte, смѣялась И.кова, войдемте вмѣстѣ, а участь эта мнѣ знакома,

— Какъ такъ?

— Школа П...а отъ моей всего въ 9 верстахъ.

— И П... въ каждый праядникъ ходитъ къ вамъ съ задачникoмъ Евтушевскаго?!

— Нѣтъ. Онъ узналъ, что я занимаюсь не знакомымъ ему, звуковымъ способoмъ и сталъ просить, чтобы я и его научила тому же.

— А вы?

— Я сказала ему, чтобы ходилъ ко мнѣ вечеромъ, будемъ, молъ, вмѣстѣ готовиться къ урокамъ. Конечно, я питала надежду, что раза два — три прійдетъ, а тамъ и броситъ.

— А онъ?

— Всю зиму, каждый вечеръ, не смотря на погоду пѣшкомъ приходилъ ко мнѣ и высосалъ изъ меня всѣ мои педагогическiя знанiя.

— И 18 верстъ ежедневнаго моциoну его не устрашили?

— Нѣтъ.

— Ну напасты!

— Именно напасты... И мы, хохоча молодымъ, здоровымъ смѣхомъ, быстро пошли по аллеямъ сада.

Писать ли, что экзаменъ Р...въ выдержалъ и умственно переросъ многихъ изъ своихъ дипломированныхъ собратiй.

Въ концѣ Аржилoвскiй извиняется въ непочтительности... Вотъ это поистинѣ нѣчто новое и для нашего брата необычное. Ужъ слишкомъ мало мы избалованы не только почтительностью, но и вѣжливостью псаломщиковъ...

Простите, къ отвлеченному мышленiю я не привыкъ, и обходиться безъ иллюстрацiй не умѣю, а потому, если у васъ хватитъ терпѣнiя, то пробѣгите тѣ два примѣра почтительности, о которыхъ я сейчасъ попробую разсказать.

Церковный колоколь давно сзываетъ въ храмъ къ утрени. Незлѣчимо-больнiй старикъ — священникъ съ большимъ трудомъ добрелъ до храма. Благословивши сторожей и собравшихся прихожанъ онъ медленно прошолъ въ алтарь и тамъ грузно опустился въ кресло, дожидаться, когда прійдутъ псаломщики.

Не мало времени пришлось старику просидѣть въ этомъ креслѣ, не

разъ онъ оглядывался на стукнувшую входную дверь въ надеждѣ уви-
дать входящимъ котораго нибудь изъ псаломщиковъ, но ихъ не было.
Наконецъ въ церковь медленно, не торопясь взойшолъ господивъ лѣтъ во-
семнадцати отъ роду, важно прошолъ онъ впередъ и, не сбрзая ника-
кого вниманія, остановился у задней стѣнки клироса.

Говорить, дѣлать замѣчаніе старикъ и не пробовалъ, не даромъ онъ
священствомъ въ двое бслѣе, чѣмъ этотъ господинъ жилъ, а потому и
зналъ цѣну словъ и увѣщаній.

Съ трудомъ поднялся онъ съ кресла. Болѣзненно крехтя надѣлъ на
себя эпитрахиль и ризу и слабымъ голосомъ благословилъ начало бого-
служенія. На клиросѣ молчаніе.

Старикъ подумалъ, что онъ произнесъ воугласъ слишкомъ тихо, а
потому и повторилъ его, сколько могъ, громко. На клиросѣ опять молчаніе

— Вы почему не поете? Спросилъ онъ выходя на клиросъ.

— Не моя недѣля! послѣдовалъ милый отвѣтъ.

Много чего насмотрѣлся старикъ за сорокъ лѣтъ священствованія,
но этотъ отвѣтъ и его взволновалъ.. Старикъ схватился за большую
грудь, пошатываясь дешолъ онъ до кресла и палъ въ него.

— Воды!.. задыхаясь простоналъ онъ сторожу.

Утренняя и обѣдня не состоялись.

Теперь припомнимъ васъ самихъ г. Аржиловскій. Въ вашей первой
статьѣ вы протестуете претивъ священниковъ, требующихъ, чтобы псалом-
щики подходили къ нимъ подѣ благословеніе и предпочитаете тѣхъ, ко-
торые нежимаютъ вашу руку.

Скажите теперь: вамъ самимъ не кажется страннымъ, что православ-
ный христіанинъ, да еще служитель церкви, протестуетъ противъ Божія
благословенія, низводимаго на него священникомъ? Вамъ понятенъ слу-
житель церкви бѣгущій Божія благословенія и вынуждающій священника
требовать, чтобы этотъ церковно-служитель не бѣжалъ Божія благословенія?

Во время одной французской революціи въ Парижъ пріѣхалъ папа
(имя не упомяну). Провосимый улицами города, онъ благословлялъ встрѣч-
ный народъ. Тутъ же на встрѣчу шла группа людей, принадлежащихъ къ
<религіи разума>. Всѣ они уклонились въ сосѣдній дворъ, чтобы избѣ-
жать благословенія папы. Папа это замѣтилъ и велѣлъ остановить носилки.

«Дѣти мои, зачѣмъ вы бѣжали, кривнулъ онъ уклонившимся, равнѣ
кому нибудь можетъ причинить вредъ благословеніе старца?»..

Теперь я спрошу васъ, г. Арж., неужели вамъ могло привести хоть

какойнибудь вредъ, благословеніе пресвитера? *) На мой взглядъ, отвѣтъ можетъ быть одинъ: Вы бѣжите не Божія благословенія, а вамъ кажется *унизительнымъ* подходить за этимъ благословеніемъ къ человѣку — священнику и цѣловать его руку.

Очевидно, вы смотрите такъ, но мнѣ не одинъ разъ приходилось слышать и читать такое мнѣніе, что всякій думающій и понимающій свое назначеніе исадомщикъ долженъ не бѣжать, а искать священническаго благословенія, освещая имъ себя, подавая этимъ примѣръ прихожанамъ и отдавая дань должнаго уваженія не человѣку, если хотите, а сану, который этотъ человѣкъ носитъ. Священникъ же *обязанъ* прихожанъ *учить* искать и дорожить благословеніемъ Божиимъ, подаваемымъ чрезъ священника, а отъ причта *требовать* этого, какъ примѣра для прихожанъ. Слѣдовательно священникъ, требующій чтобы вы подходили къ нему подъ благословеніе, только исполняетъ свой долгъ по отношенію къ вамъ самимъ, къ своей паствѣ и своему сану. Вы же изъ боязни оказать уваженіе священнику, что тоже быть вѣжливымъ, не усумнились лишить себя освещающаго благословенія, нарушили свой долгъ по отношенію къ вашимъ прихожанамъ и отнѣсились безъ должнаго уваженія къ сану священника.

Вспомните, г.г., Лѣсковскую Пломасову, какъ она сказала о Туберову, который хотѣлъ не дать ей для подѣлуа свою руку.

«Не дергай руки. Это не *твоя* руку я цѣлую, а твоего сана».

Какъ видите, сам дурка помѣщца не считалъ нужнымъ считаться даже съ такимъ элементарнымъ требованіемъ вѣжливости, какъ обращеніе съ постороннимъ *человѣкомъ* не «вы», но у священника она цѣлуетъ руку. Будьте вѣжливы, хотя, по Пломасовски.

Священникъ Павелъ Александровъ.

*) По русски «старца».